

Сергей Моронов

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Белые солдаты

Сергей Моронов

Белые солдаты

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Моронов С.

Белые солдаты / С. Моронов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Монголия. 1986 год. Рядовой воинской части Олег Королёв, доведённый до отчаяния неуставными взаимоотношениями, решается на побег. В степи он встречает странного старика-монгола, который соглашается помочь Королёву выпутаться из жизненного тупика, в который тот сам себя загнал. В обмен на помощь, монгол "посвящает" Олега в "белые солдаты". Постепенно привычные модели поведения Олега Королёва и "незыблемая" картина мира начинают трансформироваться...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Чмырь из пятой роты	6
Цагаан Цэрэг	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Это от ума—значит от дурости

Это от ума—значит от дурости

И белые солдаты никуда не спешат

Просто белые солдаты молча знают своё

Просто белые солдаты улыбаются среди войны

Среди обязательной войны.

(Егор Летов).

Чмырь из пятой роты

Серая безжизненная земля, покрытая такой же невзрачной куцей растительностью, простиралась во все стороны и не предвещала ничего хорошего. То там, то тут носились небольшие ящерики, такие же серые и невзрачные, абсолютно равнодушные и недружелюбные, под стать этой чужой землей, чужой стране и какой-то чужой, тягостной жизни...

Олег остановился и, поёживаясь от холода, поднял глаза к огромному чистейшему небу. Необычайно красивое ярко-синее море не было омрачено ни одним, даже самым захудалым облачком. Глубокое и величественное, оно манило и притягивало своей бездной, в центре которой ярко светило солнце, ослепляя и не давая ни секунды возможности насладиться этим чистым сиянием.

«Отчего же так устроено в этой чёртовой Монголии? Всё через жопу», – подумалось Олегу.

«Вверху такая неповторимая красота, внизу убогая безжизненная то ли степь, то ли пустыня... и ящерицы... А я вот стою посередине и мёрзну от этого долбанного ветра. Ведь до костей пробирает... И это в июне... Какое сегодня? Десятое июня восемьдесят шестого...».

Олег остановился и сел на голую землю, обняв ноги и зарывшись лицом в колени. Постепенно холод начал покидать его худощавое тело, а солнце всё сильнее нагревало сутулую спину, обтянутую зелёной «хэбэшкой». Вместе с покинувшим тело холодом, ускользнули и мысли о странностях монгольской погоды, вновь вернув Олега к тем тяжким переживаниям, что давили его, не давая расслабиться ни на минуту. Он вновь погрузился в тот злополучный день...

– Боец, ко мне! Бегом!

В нескольких метрах от Олега стоял младший сержант его роты по фамилии Демиденко, на полгода младше по призыву, но уже отслуживший год и имевший в неуставной солдатской иерархии гордое звание – фазан. Или как любил себя называть сам Демиденко – бурый фазан, что означало в его понимании: сильный, наглый и беспощадный. Олег, отслуживший уже полтора года и по сроку службы относившийся к так называемым «дедам», таковым по своей сути не являлся. Обычно его – сутулого, высокого и худого как швабра, бойца Советской Армии, с вечно застёгнутым подворотничком и затянутым на талии ремнём, именовали просто – чмырь.

То, что он, Олег, относился к этой низшей солдатской касте, было до боли обидно и неимоверно стыдно. Но человек он и есть человек – привыкает ко всему и хорошему, и плохому. Так что жизнь заставила, и со временем Олег смирился со своей незавидной участью – терпеть побои и издевательства сначала от старшего призыва, потом и от своего. Тут же было что-то новое. Его подзывал к себе военнослужащий, отслуживший всего год и только недавно поднявшийся на очередную иерархическую ступеньку. Это новое вызывало неподдельную тревогу и грозило появлением ещё одной когорты солдат, которые будут понукать несостоявшимся дедом.

Обуреваемый такими невесёлыми мыслями, Олег поплёлся навстречу своей судьбе, в образе младшего сержанта Демиденко.

– Боец, я не понял, ты чё, борзый? Я же сказал – бегом! – подхлестнул его Демиденко.

У Олега неприятно засосало под ложечкой. Он ускорился, перейдя как бы на рысь, но всем своим существом оттягивая неприятный момент.

Демиденко стоял возле казармы, широко расставив ноги в начищенных до блеска сапогах. Воротник его гимнастёрки был распахнут, обнажив пятисантиметровую белую «простынь» подворотничка, отчего тот стоял как влитой, демонстрируя окружающим всю крутость его обладателя. Ремень, естественно, не был затянут на талии, а облегал бёдра статной фигуры младшего сержанта. Пилотка, лихо задвинутая на затылок, подчёркивала густую шевелюру бурого фазана.

Демиденко стоял и терпеливо ждал буксующего Олега, при этом лицо его не обещало никакого положительного исхода. Наконец Олег всё же добрался до теряющего терпение младшего сержанта и тут же получил болезненный удар носком сапога в голень. Скривившись от боли, Олег услышал раздражённый голос младшего сержанта.

– Ты чё, чмо? Страх потерял? Команду бегом не слышал? Хватит прикидываться, скривился весь, уёб*ще. Сигарету мне! Качественную!

– Нету у меня, – сквозь боль и стыд за свою слабость, промямлил Олег.

– Ты чё, чмо? Не въехал? Я не спрашиваю, есть она у тебя или нет. Я сказал – сигарету! Бегом, метнулся и принёс. Время пошло.

Олег стоял не в силах пошевелиться. Бежать и искать этому обнаглевшему фазану сигарету, да ещё качественную, то есть с фильтром, было верхом глупости. Так называемая «молодость», когда он ещё не став чмырём, носился по части в поисках сигарет для старослужащих, давно закончилась. Теперь от него никто не требовал оказывать услуги, отнесённые неуставной жизнью к «обязанностям» молодых солдат. Так называемые «всасывающие молодые», в общем порядке проходили через этот необходимый для каждого этап, чтобы потом, по прошествии полугода занять ступеньку в иерархии повыше.

Олег, как и вся «молодёжь», участвовал в обслуживании старослужащих, готовясь затем расстегнуть крючок на подворотничке и «опустить ремень на яйца». Но, увы, что-то не срослось и он так и остался в самом низу – «застёгнутым», превратившись в итоге в чмыря. В его новом положении от него уже не требовали заниматься «правильным» обслуживанием, заставляя лишь выполнять вместе с молодыми обычную хозяйственную работу, от мытья полов, до заправки кровати.

Сейчас же всё вставало с ног на голову. Этот забуревший младший сержант пытался добавить к нелёгкой судьбе Олега новые, позорные в его нынешнем положении, обязанности. Так что бежать, искать сигарету с фильтром было никак нельзя. С другой стороны, не делать это, было чревато и грозило явными проблемами, начиная от побоев и заканчивая очередными издевательствами и унижениями. Конечно, стоило бы поставить на место этого наглеца и достойно ответить ему, но ни сил, ни желания, ни смелости на это у Олега не было...

– Чморина, ты я вижу, борзеть пытаешься? – зловеще поинтересовался Демиденко, – Я же сказал, бегом искать сигарету, время пошло!

– Не пойду... – еле слышно промямлил Олег, готовясь к самому худшему.

– Чего ты там мямлишь? Не пойдёшь?! Ну, тогда вечером в казарме поговорим, – Демиденко больно стукнул Олега костяшками пальцев в лоб,

– Вешайся, чморина! Ты у меня не только сигареты таскать будешь... Если надо и отсоёшь, бл*дина, понял?

И младший сержант, развернувшись на каблуках, проследовал в расположение казармы.

Олег остался стоять на месте. Внутри всё опустилось. И без того позорная и тягостная жизнь грозила стать неизмеримо хуже...

Не зная, что делать, Олег отчаянно пытался найти выход из создавшейся ситуации все шесть часов боевого дежурства, но так ни к чему путному и не пришёл. О том чтобы противостоять наглому сержанту не было и речи, на это Олег был не способен ни физически, ни морально. Опуститься ещё ниже было также невозможно.

Оставалось два выхода, которые собственно говоря, и выходами-то назвать было нельзя, но удовлетворять сексуальные потребности Демиденко – это был край, за которым маячила, разве что только смерть. Олег вспомнил недавнюю историю, когда хлебрез части, нерусский по национальности искал среди молодёжи и чмырей солдата, который будет ему вместо женщины. Обещал за это деньги и защиту. Один сдуру согласился и что? Через пару месяцев повесился в туалете... Или повесили...

И вот, что теперь? Либо действительно вешаться, либо бежать. Да, бежать из части, а там будь, что будет. Приняв такое решение, Олег уже было успокоился, и стал обдумывать, как всё это лучше проверить. Размечтавшись, он решил, что главное перейти границу, добраться до дома, а там уж он придумает, как выпутаться из всего этого...

Незаметно пролетело время и, закончив боевое дежурство, Олег как обычно вместе со сменой, строем отправился в столовую. Поглощая жидкую, похожую на помой сечку, заедая чёрным, вязким, как пластилин хлебом, Олег расслабился. Напряжение, державшее его в страхе последние шесть часов, куда-то улетучилось. С набитым желудком Олег стоял в курилке возле казармы вместе с другими солдатами, вернувшимися с боевого дежурства и мысли его витали где-то далеко в Советском Союзе, на Родине, среди родных людей.

Олег словно бы забыл, что ещё буквально полчаса назад, он собирался бежать. Как будто кто-то всемогущий и великодушный отрезал от памяти Олега тот кусок невыразимого ужаса, что терзал его последние часы. Но «счастливое забытьё» длилось недолго. В курилку вошёл один из молодых, но резвых поборников неуставной жизни и с презрением обратившись к Олегу, сказал:

– Слышь, чмырь, чё тут стоишь, балдеешь, давай в казарму, там тебя Демиденко заждался.

Наглость этого молодого не была столь болезненной, как нахлынувшая на Олега волна воспоминания. Весь ужас последних часов обрушился на него, закрутил и вышвырнул в водоворот беспомощности и отчаяния.

Олег, промямлив, что, мол, сейчас придёт, развернулся на ватных ногах и куда-то побрёл...

– Смотри, через пять минут не появишься, пиз*ец тебе. Демиденко и так злой, – догнал Олега злорадный голос молодого солдата.

Пребывая в каком-то ступоре, Олег на автомате отправился в сторону уличного туалета, но прошёл мимо и отправился дальше, потеряв контроль и ничего не соображая от охвативших его эмоций...

Очнулся он в каком-то подвале, захламлённом старыми пыльными столами, какими-то досками, стопками газет и тряпьем. Придя в себя и пытаясь понять, где он, Олег пробрался к небольшому отверстию, как он понял вентиляции, откуда струился свет.

К своему ужасу он осознал, что сейчас на дворе белый день, то есть он провёл в этом подвале всю ночь, пропустив вечернюю и утренние поверки. Мысли бешено скакали, показывая страшные картинки переполоха в роте. Отсутствие бойца на поверках – это ЧП для всей воинской части. Сейчас уже вся рота должна искать беглеца, ротные офицеры наверняка рвут и мечут, это ведь страшный залёт.

Олег представил что будет, когда кто-нибудь из солдат залезет в этот подвал, оказавшийся подвалом клуба воинской части и найдёт его, притаившегося среди пыльной рухляди. Эта картина настолько напугала и без того находящегося на грани отчаяния Олега, что он зарылся в какое-то вонючее тряпье так, что появившиеся вскоре искатели беглеца даже ухом не повели, воротя нос от дурно пахнущей кучи.

В своём убежище Олег просидел до ночи, вздрагивающий от малейшего звука. Мимо клуба весь день туда-сюда ходили и солдаты, и офицеры, но в подвал больше никто не заглянул. Наконец дождавшись ночи и пришедшей с ней тишины, Олег, гонимый страхом, решил выбираться из своего логова. За пределами части он оказался довольно быстро, благо всеходы знал, как свои пять пальцев...

Олег оторвал голову от колен и огляделся. Повсюду его окружала голая безжизненная степь, без какого-либо намёка хоть на малейший след жизнедеятельности человека. До него стало доходить, что страх и желание убежать как можно дальше от своих сослуживцев и пат-

рулей сыграли с ним злую шутку. Он оказался один среди этих вездесущих ящериц и жухлой травы. Где он сейчас и куда идти дальше Олег просто не представлял. Поняв, что заблудился, он в сердцах кинулся на сухую, колючую землю и зарыдал.

Когда истерика исчерпала себя, жалость буквально затопила сознание Олега. Почему всё так произошло? Что плохого он сделал в жизни? В чём он не прав? Олег не находил ответа. Да, он вырос тихим и беззлобным человеком, но он же никому не сделал больно. Он никогда и никого не подставлял, никого не унижал. Да он, в общем-то, никакой не замухрышка, у него остались друзья на гражданке. Если надо он мог и в морду дать, просто не любил конфликтовать. Сама возможность конфликта вызывала в нём отторжение и болезненную реакцию.

Конечно, он от этого страдал. Ещё в школе ему было проще уступить, отойти, лишь бы не нарываться на конфликт. Этим пользовались другие, видя в Олеге слабого противника и отличную мишень. Он не боролся за лидерство в классе, его устраивала тихая, периферийная жизнь. Проще не обращать внимания на задиравшихся одноклассников, чем соперничать с ними, да и ради чего? Он никогда не понимал этого.

В школе он дрался всего раз, да и дракой это не назовёшь, просто как-то раз один из расхрабрившихся юнцов-одноклассников решил поднять свой авторитет за счёт Олега. Буквально проходу не давал, задирая и подначивая его. Он, Олег, конечно терпел эти выходки некоторое время, надеясь, что тот успокоится и отстанет, но одноклассник распался всё больше и больше, играя, как говорится, на толпу. Закончилось всё очень быстро. Когда «точка кипения» была достигнута, он каким-то неведомым для себя способом схватил наглеца за грудки и, подняв в воздух, перевернул и шмякнул спиной об парту. Придавил горло и прошипел сквозь зубы:

– Ещё раз дёрнешься, пришибу.

Одноклассника как подменили, больше он к Олегу и близко не подходил. А Олег продолжил жить прежней тихой жизнью, обходя конфликты и кипучую борьбу за первенство и авторитет.

Потом была армия. Служить в Советской Армии Олег хотел. Черпая информацию в основном из книг и кинофильмов, он имел своё представление о священном воинском долге каждого советского гражданина. В мечтах Олег служил на границе, с честью и совестью нёс нелёгкую ношу, защищая неприступные рубежи Родины. Обученный приемам рукопашного боя, в одиночку противостоял коварным шпионам, которых успешно задерживал, за что получал правительственные награды.

К сожалению, мечты и реальность в нашей жизни никогда не совпадают. В пограничники Олега не взяли, решив, что лучшее, на что он способен, так это нести боевое дежурство в одной из воинских частей, что крепко осели в степях и пустынях Монгольской Народной Республики.

Разницу между мечтами и суровой армейской реальностью Олег уловил ещё в поезде, когда с другими восемнадцатилетними пацанами пересёк границу Союза и оказался на просторах МНР. Два сержанта, сопровождающие молодяк в часть, подошли к Олегу и, озабоченно поглядев на его наручные часы, сообщили, что лучше всего часы и все наличные деньги сдать на хранение им. Это, объяснили они, даст возможность ему, Олегу, сохранить своё имущество, а уж там, на месте, они всё это вернут.

Ничтоже сумняшеся, Олег последовал совету заботливых сержантов и передал им часы и тридцать рублей, но как показала дальнейшая жизнь, не на ответственное хранение, а в личное пользование этих хитрецов. Впрочем, со временем Олег уже не переживал об этом обмане. Он довольно скоро понял, что если бы не лишился этого имущества вот так безболезненно в поезде, то всё равно это произошло бы уже на месте в воинской части, только способ изъятия у него часов и денег был бы менее приятным.

Ещё одна особенность, которой Монголия встретила новый призыв и запала в душу Олега, оставив тревожный след, заключалась во встрече поездов на стоянках. Дембеля, воз-

вращавшиеся в Союз, увидев в вагоне напротив молодняк, приходили в какое-то страшное возбуждение и радостно орали:

– Вешайтесь, духи!

Далее все представления Олега об армии рушились с устрашающей скоростью. Сначала была учебка. Именно здесь Олега научили многим вещам. Он узнал, что такое голод, когда каждую минуту хочется есть, когда не спасают даже те помои, которые в строго ограниченное время приходится успевать впихивать в себя в солдатской столовой, чтобы хоть чем-то наполнить вечно ноющий пустой желудок. Когда прихваченный кем-то из оголодавших солдат кусок хлеба из столовой, оборачивался унижительными и болезненными репрессиями в отношении всего взвода.

В учебке Олега научили, что он не личность, он никто, он тело, мясо, которое должно быть озабочено только одним – как быстро и эффективно выполнить любую команду старшего по званию, будь то офицер или даже ефрейтор. Олег открыл для себя, что многие хозяйственные работы, которыми нагружены в свободное от учёбы время солдаты, существуют лишь как действия, не имеющие никакой практической цели или задачи. И нужны они непосредственно самому солдату, чтобы у него не было времени ни думать, ни мечтать, ни заниматься другими непотребными вещами.

Но все эти прелести армейской жизни оказались цветочками, когда досрочно окончив учебку, Олег оказался в боевой пятой роте, где ему предстояло нести боевое дежурство, защищая и СССР, и МНР от китайских агрессоров. Олега встретила не боевая дружная семья, как об армии писали в газетах, а горстка озлобленных сверстников, которые продолжили дело уничтожения личности Олега, но теперь уже в более изощрённых формах.

Олегу и другим молодым бойцам было в очень доходчивой форме разъяснено, что отныне они «молодые» в боевой роте, а посему обязаны отдавать все деньги своим начальникам – фазанам, мыть за всю роту полы, подшивать старослужащим подворотнички ХБ и ПШ, так именовалась летняя хлопчатобумажная и полушерстяная зимняя военная форма. Исполнять любые другие хозяйственные работы, порученные как им, так и старослужащим их роты, которым что-то делать теперь не по чину.

Кроме того, они как «молодёжь», обязаны приносить по команде сигареты и ежедневно доставать пайку для своих начальников – фазанов, чтобы те не портили свой желудок в солдатской столовой. Пайку в виде паштетов, сгущёнки, хлеба предполагалось покупать в чайной. На недоумённые вопросы молодых солдат о том, на что им покупать эту самую пайку, если все деньги они обязаны отдавать всё тем же фазанам, был получен простой и исчерпывающий ответ:

– Воруйте, доставайте, где хотите, это теперь уже ваша проблема.

Далее последовал короткий инструктаж по возможным последствиям для тех, кто решит стучать, то есть докладывать о неуставной жизни роты офицерскому составу. Последствия сводились к слову «пиз*ец», что означало неминуемую жестокую расплату для такого неумного солдата.

После инструктажа всех молодых построили в умывальнике по стойке смирно, и каждый получил несколько ударов в грудь и по лицу. Это, объяснили начальники-фазаны, ждёт вас каждый день, если будут выявлены малейшие нарушения только что полученных инструкций.

Сладкой пилюлей оказалось данное фазанами обещание, что всасывающая молодёжь, то есть солдаты активно участвующие в неуставной жизни роты и на отлично исполняющие прихоти старослужащих, по прошествии полугода будут переведены в фазаны и получают возможность самим гонять новый призыв, пользуясь всеми благами армейской действительности. Те же, кто будет тормозить и препятствовать стабильной и беспечной жизни фазанов, дедов и дембелей, обречены на вечную «молодость» и переход в низшую категорию армейской иерархии под наименованием «чмыри».

Здесь Олег почему-то не сдержался и задал вопрос, что было совершенно не свойственно его натуре:

– А кто такие «чмыри»?

– Придёт время, узнаешь, – последовал, как показала жизнь, пророческий ответ фазана.

Олег, как и другие молодые пятой роты, полностью принял для себя новые правила и весь отдался исполнению «правильных» обязанностей. Мыл, подшивал, заправлял, убирал, в общем, делал всё, что приказывали новые начальники-фазаны. На волшебное слово: «сигарету», тут же подбегал к старослужащему и давал тому закурить. Растаскивал вместе с другими молодыми имущество роты, чтобы затем продать монголам за их тугрики, на которые уже покупал пайку начальникам-фазанам. При неудачах на «пайковом» поприще получал по морде в умывальнике. В общем, крутился, как мог, пытаясь «всасывать», а не «тормозить».

Так пролетело полгода, пришёл новый набор молодёжи. Все его сотоварищи по обслуживанию старшего призыва уже расстегнули свои подворотнички, получив пряжкой солдатского ремня по голой заднице, как предписывал ритуал неуставной жизни. И теперь гордо именовали себя фазанами. Все, но только не он. Почему так произошло, Олег так и не понял. Возможно, свою роль здесь сыграла маниакальная потребность избегать конфликтов и уходить в сторону. Но Олег так и остался «застёгнутым» и продолжал тянуть «молодость» уже с новым призывом, получая по морде в умывальнике уже от своих вчерашних товарищей.

Постепенно его вчерашние друзья по призыву стали отворачиваться от него, а новые молодые уже откровенно презирали Олега и сторонились его компании. Последней каплей в этой непонятности стало откровение одного из дедов его роты по фамилии Козлов. Как-то зайдя в ленинскую комнату, Олег застал там процесс промывания мозгов молодёжи о неукоснительном следовании идеям дедовщины и неуставной жизни. Заметив вошедшего Олега, Козлов указал на него пальцем и продекламировал:

– Вот вам, товарищи молодые, живой пример. Этот боец должен был стать фазаном, а стал чмырём.

С этого самого дня Олег получил свой новый статус чмыря и сопутствующие ему прелести армейской неуставной жизни...

Придя окончательно в себя, Олег вспомнил, что не ел и не пил уже больше суток. Организм тут же отозвался сильнейшими позывами. Лихорадочно озираясь, Олег искал хоть какой-нибудь источник воды. Но вокруг было одно и то же – сухая колючая земля и скудная серая растительность. Олег начал прозревать – ещё немного и он просто умрёт от жажды. Он убежал от армии и от людей, тем самым загнав себя в ещё более страшную ловушку. Умереть здесь, среди ящериц от обезвоживания!

И Олег побежал. Он не знал, куда и зачем бежит, вокруг всё было одинаково серо и безжизненно. Казалось, этот бег длится нестерпимо долго, но жажда и страх гнали его всё дальше и дальше...

На самом деле, пробежав лишь пятнадцать метров, он упал, лишившись чувств, на сухую обветренную землю...

Открыв глаза, первое, что увидел Олег, был очаг. Подвешенный на цепи котелок отчаянно бурлил в центре юрты, живо потрескивали поленья, пахло какими-то травами. Сам Олег лежал на нарах, покрытых видимо бараными шкурами и ватным одеялом. Обстановка в юрте говорила одновременно о достатке её хозяина и о его скромности.

За время службы Олег побывал во многих домах и юртах местных жителей и воочию видел, как по разному живут люди в народной республике. Был он юртах, сплошь покрытых коврами, с телевизором «Sony» и шикарными музыкальными центрами, добротной мебелью и прочими дорогостоящими предметами. Тут же рядом с таким богачом стояла юрта, в которой

кроме очага и голых нар ничего не было. Так роскошь и нищета уживались в этой стране рядом друг с другом.

В этой же юрте не было никаких излишеств, но ковры, устланные по всему пространству, говорили, что хозяин далеко не бедствует и может себе позволить ступать ногами по роскошному ворсу, который дома, в Союзе, вешают на стены.

Хозяин юрты – неопределённого возраста старик, абсолютно лысый, с кучей, но длинной седой бородой и такими же усами сидел, скрестив ноги, на ковре напротив очага и своими пронзительными чёрными глазами внимательно изучал Олега. Одет этот монгол был в традиционный национальный халат, а в зубах сжимал длинный мундштук, на конце которого алела сигарета.

– Здравсьте, – начал, было, Олег, но спохватившись, что это всё же монгол, попытался перейти на его язык:

– Э-э-э, в смысле, санбайну кампан, э-э-э как там? Я солдат... Э-э-э...

– Хватит экать, говори нормально, как умеешь, – на чистом русском, практически без всякого акцента произнёс старик, чем вверг Олега в изумление.

– Ну что смотришь? Кто такой? Рассказывай.

Олега словно прорвало. Воспоминания о последних злоключениях вновь нахлынули, поглотив его с головой и, еле сдерживая рыдания, излил всего себя этому странному старику-монголу...

– Да-а-а, – только и протянул старик, когда Олег закончил свой душераздирающий рассказ. Немного помолчал, внимательно глядя на страдальца и затем спросил:

– Ты ведь есть, наверное, хочешь?

Желудок как по команде свело, и Олег только и смог что интенсивно закивать в ответ головой.

Старик не спеша поднялся со своего места, достал половник и, зачерпнув из котелка, налил в большую глиняную пиалу какого-то густого варева, жирного на вид и пахнущего травами.

– Пей, не спеша, – старик отдал пиалу Олегу, а сам вернулся на своё место и замолчал, наблюдая, как тот поглощает напиток.

Вкус этого обжигающего бульона был странный, но в чём-то даже приятный.

«Скорее всего, бараний бульон на пряных травах» – решил про себя Олег.

Выпив до конца пиалу, он неожиданно почувствовал себя сытым и даже несколько успокоенным. Страшные, терзающие мысли, словно спрятались где-то, уступив место временному покою.

– Спасибо, – наконец произнёс Олег, добавив:

– Куда посуду деть?

– Поставь сюда пока, – откликнулся старик, указав место пальцем, а затем впери в Олега свой пронзительный взгляд и спросил:

– Что делать теперь собираешься?

События последних дней вновь лавиной накрыли Олега, заметно расстроившись, он лишь пожимал плечами и качал головой. Наконец собравшись с какими-то своими мыслями, пролепетал:

– Я... я не знаю... Может... Вы мне поможете? – с какой-то надеждой, разве что на чудо, выдавил он, прекрасно понимая, что говорит глупость. Ведь, что может сделать в его ситуации этот старик, да ещё монгол.

– Я людям не помогаю, – сердито отрезал старик и добавил:

– Я за них не в ответе.

– А за кого в ответе? – скорее по инерции, Олег продолжил этот никчёмный разговор.

– За тех, кто доверил мне свою судьбу и жизнь, – совершенно серьёзно ответил старик.

– Это как? – уже удивлённо и заинтересовано спросил Олег.

– А вот так. Я знахарь. Собираю растения, варю зелья, лечу скот и людей. Но я уже стар, и если бесконечность пошлёт мне когда-нибудь ученика, то я буду отвечать за него и вот ему я окажу любую помощь.

– А что значит – доверить Вам судьбу и жизнь?

– То и значит. Ученик, если таковой найдётся, должен будет доверить мне полностью распорядиться его судьбой и жизнью. И это не просто слова, они скрепляются клятвой, а свидетелем выступает бесконечность, – старик обвёл руками воздух, как бы указывая на всё пространство вокруг.

– Значит, если бы я был Вашим учеником, то Вы бы мне помогли выпутаться из этой ситуации?

– Конечно.

– Но как? Вы же не можете отмазать меня от суда или решить мои проблемы в казарме. Я уже и не знаю что лучше, дисбат или опять возвращаться к этим сволочам... Поубивал бы их всех.

– Это моё дело как. Давай заканчивать этот бессмысленный разговор, у меня пока нет ученика.

– Постойте, как Вас зовут, извините, сразу забыл спросить?

– Меня называют Цорын Чоно, по-вашему, это значит одинокий волк. Но ты можешь называть меня Дедушка Чо.

– Хорошо, дедушка Чо, а если я захочу стать Вашим учеником, Вы поможете мне?

– Если достопочтимый Олег захочет стать учеником одинокого волка? А захочет ли одинокий волк такого ученика?

– Но... Но Вы же сами сказали, что если бы я был Вашим учеником, то Вы бы мне помогли.

– Конечно, помог бы, но ведь ты же не ученик.

– Извините, я неправильно выразился. Дедушка Чо, возьмите меня в свои ученики.

– А ты хорошо подумал? Помнишь об условии?

– Каком?

– Ты отдашь свою судьбу, свою жизнь в мои руки.

– А по-другому, никак?

– Никак. Подумай, прежде чем принимать такое ответственное решение, – старик прервал разговор, занявшись внезапно возникшими делами.

Олег отчаянно боролся сам с собой, не зная как ему лучше поступить. Этот монгол обещал помочь, но как? Этого Олег совершенно не понимал. С другой стороны, это была хоть какая-то надежда, пусть и весьма зыбкая, но всё лучше, чем ничего. В часть возвращаться было никак нельзя, там однозначно ждал дисбат. Не возвращаться – ещё хуже, тогда можно загреметь и в зону. Безвыходная ситуация... А если довериться этому монголу? Но... это его условие... что он, Олег, должен доверить ему свою жизнь. Странно как-то всё это. Но, опять же, что он теряет? С этим непонятным стариком хоть какая-то надежда.

– Дедушка Чо, я хорошо подумал, возьмите меня в ученики, – в конце концов, решил Олег.

– Твои слова ничего не значат, но тебя прислала ко мне бесконечность, поэтому так тому и быть. Подписывай договор, – и старик передал Олегу лист старого пергамента, появившийся невесть откуда в его руках.

Олег вчитался в текст и оторопел. Там чёрным по белому, или вернее синими чернилами по грязно-жёлтому фону было написано:

«Договор. 12 июня 1986 года. МНР. Я Королёв Олег Сергеевич перед лицом Бесконечности даю клятву, что с этой секунды я отдаю себя в руки Цорын Чоно, став его учеником и полностью вверяю ему свою Судьбу и Жизнь. О чём заверяю кровью».

– Но? Как Вы, дедушка Чо, узнали, что я Королёв Олег Сергеевич? И что значит, заверяю кровью? Вы что дьявол и хотите забрать мою душу? Как Мефистофель?

– Дьявол не дьявол, тебе-то какая разница, в твоём-то положении. Да не бойся, не нужна мне твоя драгоценная душа, – еле сдерживая смех, выдавил из себя старик.

– А насчёт Королёва... так ты сам мне всё разболтал, пока тут сутки в бреду провалялся. Ну, так что, подписываешь или нет?

Смех старика несколько успокоил подозрения Олега, и ещё раз вздохнув и выдержав небольшую паузу, он ответил коротко, но твёрдо:

– Я готов.

Старик снова, неведомым для Олега образом, оказался рядом и, взмахнув непонятно откуда возникшим ножом, надрезал кожу под большим пальцем его левой руки, тут же схватил правый большой палец Олега, макнул им в кровь и поставил кровавый отпечаток под текстом на пергаменте. Сам же свиток тут же улетел в огонь и весело затрещал, объятый языками пламени.

– А как же договор? – только и успел спросить окончательно обалдевший от происходящего Олег.

– А что договор? – в свою очередь удивился старик,

– Договор в силе, я просто вернул его бесконечности.

Цагаан Цэрэг

– Ну вот, теперь ты – цагаан цэрэг, – улыбаясь, произнёс старик, вернувшись в юрту. Минут сорок он отсутствовал, видимо дав возможность Олегу прийти в себя.

– Сейчас будем чай пить, настоящий монгольский, – продолжил Цорын Чоно и, не обращая внимания на Олега, занялся необходимыми приготовлениями.

Олег никогда ещё не пробовал настоящий монгольский чай, обычно в юртах его угощали, так называемыми «порцыками», чем-то средним между выпечкой и печеньем, чаще всего с характерным запахом бараньего жира. Про чай он только слышал, что его готовят с молоком, солью и жиром. Если честно, то испить такого чаю никакого желания у него не возникало. Больше того, от самой мысли о таком чае, Олега всего передёргивало. Что делать в данной ситуации, он пока не представлял и теперь отчаянно размышлял, как ему поступить. Как сказать этому монголу, что он не желает пить такой чай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.